

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

П.В. Кайгородов

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

Cellar811@mail.ru

Статья посвящена анализу роли понятия «нация» в самоидентификации и структуре социальных транзакций современного россиянина. В статье рассматриваются и подвергаются критике возможные критерии формирования национальной общности. Также делается акцент на деструктивные последствия массового внедрения национально-ориентированного образа самоидентификации. Наконец, подчеркивается антропогенная природа понятия «нация».

Ключевые слова: нация, национальность, самоидентификация, игра.

Сегодня национальность стала характеристикой, изначально присваиваемой обществом любому своему члену. Но так ли это? Национальность понимается нами как факт принадлежности к нации. Что же стоит за понятием «нация»? Начнем с не вызывающего сомнений: нация – это группа лиц (один человек не может воплощать в себе нацию, за исключением временных, экзотических обстоятельств, к примеру, если он является последним ее представителем), несущая в себе некую общность, позволяющую отделять ее от сходных групп. Именно о факторах, позволяющих заявлять упомянутую общность, и пойдет ниже речь. Какие качества априорно присваивают нам, зачисляя с рождения в нацию? Каковы объективные основания для такого объединения? И так ли конструктивно разделение человечества на нации?

Хью Сетон-Уотсон признавал: «Итак, я вынужден заключить, что никакого «научного определения» нации разработать нельзя; и вместе с тем феномен этот суще-

ствовал и существует до сих пор»¹. Понятие «нация» возникает и входит в дискурс в конце XVIII – начале XIX века. До того Европа состоит из династических государств. В рамках этой системы осью самоидентификации населения является личность сюзерена. То есть достаточным и удовлетворительным ответом на вопрос «Кто я?» для любого европейца был «Вассал монарха А». Такое положение вещей возможно только в условиях сакрализации верховной власти, когда право монарха на правление в глазах подданных исходит от непостижимой Надсущности (Бога), таким образом определяя их – и правителя и подданных – состояние во вселенском порядке в целом. Только в таком режиме существования возможно сакраментальное «Государство это я!» Людовика XIV. В то же время никакой роли не играла категория, которую мы сегодня назовем национальностью правителя, важна была лишь династическая принадлежность.

¹ Цит. по: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Кучково поле; Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 25.

Именно поэтому династия Романовых многие поколения отыскивала себе невест в Гессен-Дармштадском и прочих немецких княжествах.

Окончательная смена этой формы понимания приходится на конец XVIII в. и выражается в Великой французской революции. Постепенный процесс десакрализации фигуры властелина завершается казнью правящей четы и массы представителей аристократических родов. После чего встает вопрос, вслух заданный Руссо: Что способствует тому, что народ это народ? Ответом на него станет понятие нации, появляющееся в трудах Просветителей.

Вебер в «Хозяйстве и обществе» сформулировал следующее положение: «С “национальностью”, как и с “народом”... связано, по меньшей мере нормальным образом, смутное представление, что в основе того, что воспринимается как “совместное”, должна лежать общность происхождения, хотя в реальности люди, которые рассматривают себя как членов одной национальности ... весьма часто гораздо дальше отстоят друг от друга по своему происхождению, чем те, кто причисляет себя к различным и враждебным друг другу национальностям... Реальные основы веры в существование “национальной” общности и выстраивающегося на ней общностного действия весьма различны»². Так что даже присутствовавшие при «рождении» нации, признавали, что принцип, вокруг которого строится общество, является дискуссионным вопросом.

Одним из наиболее распространенных вариантов объяснения мнимого единства нации является язык. Однако можно вспомнить, что после Второй мировой войны и разрушения империй появляется

масса новых национальных государств, государственным языком которых становится язык их бывших хозяев по Империи. Таким образом, следуя лингвистической доктрине генезиса нации, мы должны будем объединить население Великобритании, Ирландии, Австралии и США в одну нацию. Кроме того, использование языка как связующего звена сделает нацию слишком хрупким явлением: где заканчиваются грамматические ошибки представителя нации и начинается незнание языка чужаком? Не стоит забывать и об исторических примерах Германии и Японии, чьи языки, нося собирательное название «немецкий» и «японский», радикально разнились от региона к региону в рамках одного государства.

Можно предположить, что нации как-то связаны с капитализмом, благо возникают они по историческим меркам одновременно в одном и том же месте. Но то, как организована система вознаграждения за труд и производственные отношения, не диктует нам единственной организации государства. Более того, подспудный порыв капитализма к бесконечному расширению рынка сбыта прямо противоречит идее национального государства с его жесткими границами и извечным искушением автаркией. Бродель связывает структурирование мировой экономики на центр и периферию с исходными объективными природными условиями регионов, а не волей народов³.

Наконец, можно говорить о непосредственной связи представителей одной нации. Однако простой математический расчет показывает, что в десятом поколении человек имеет пятьсот двенадцать непо-

² Там же. – С. 8.

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв: в 3 т. – М.: Весь мир, 2011. – Т. 3, гл. 3.

средственных предков, в то время как население современных государств исчисляется сотнями тысяч и миллионами граждан, в силу чего о кровном родстве речи быть не может. Генетическое родство было уделом общинного строя, но социум, организованный таким образом, давно отошел в прошлое на большей части территорий. В качестве альтернативы социум предлагает нам то, что Балибар называет «проект»⁴: множество поколений, проживающих на примерно одной и той же территории и называющих себя примерно одними и теми же словами, связаны посредством некоей субстанции. Не имея объективных оснований для объединения населяющих его людей в общность, государство использует в этом качестве прошлое. И «национальность» становится инструментом беспечального наследования заслуг предков: она недоказуема, не налагает обязательств, в отличие от религии. При этом позволяет гордиться стихами поэтов Золотого века и победами в давно прошедших войнах. Прошлое — главный элемент социализации индивида и поддержания групповой солидарности. Инструментом прививания этого подхода служит введение этического аспекта — «горжусь тем, что я швед (турок, русский, японец)», однако гордиться можно только чем-то однозначно положительным (невозможно гордиться структурой солнечной системы, поскольку это — сухой факт) и достигнутым самостоятельно. В то же время нет нашей заслуги в том, что мы родились там, где родились.

Валлерстайн разграничивает три термина: раса, нация и этнос. Раса — генетическая категория, четко выражающаяся во

внешнем виде человека — высоте скула, цвете кожи, разрезе глаз. Нация — социально-политическая категория, связанная с реальными или возможными границами государства. Этническая группа — культурная категория, связанная на культурно-поведенческие матрицы, воспроизводимые от поколения к поколению, но не привязанные к границам государства⁵. Это деление удобно тем, что позволяет говорить о национальности как о сухой юридической категории гражданства, коей она в теории и является. На практике же «национальность» используется группами формирования мнений (политиками и СМИ) как генератор иллюзорной самоидентификации — гражданину предлагается поверить в то, что за его спиной стоит незримый строй великих полководцев, деятелей искусства и науки, неким образом сопричастных ему. С боков же наш счастливчик окружен прочими людьми одной с ним национальности (любопытно, что для этих людей, судя по всему, не существует собирательного существительного), разделяющих одни с ним идеалы и достойных доверия в большей степени, чем иностранцы. Здесь можно усмотреть игру и на страхе одиночества, и на стадном инстинкте, и на тщеславии. Есть у «национальности» и совершенно искренняя психологическая подоплека: девятнадцатый и особенно двадцатый век стали веком масс, когда все общественные дисциплины заинтересовались процессами, протекающими на уровне сообществ, а не индивидов. Одновременно радикальное облегчение путешествий и передачи информации сделало возможной, а вскоре и обязательной осведомленность о событиях, происходящих в другой части света, и множествах людей, в этих событиях принимающих участие. Так, наводнение

⁴ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. — М.: Логос, 2004. — С. 103.

⁵ Там же. — С. 91.

в Индонезии приводит к подорожанию компьютерных жестких дисков в России. По миру распространяются причинно-следственные связи, которые могут приводить к самым неожиданным ситуациям, и нелегко понять, какие из процессов и событий, происходящих на другом континенте, отразятся лично на субъекте. Особенно если события эти связаны не с природными явлениями, а с поступками людей, чья мотивация и логика порой не до конца ясны, а поступки, следовательно, могут казаться непредсказуемыми. В таком интенсивном информационном потоке у субъекта не остается времени на внимательное рассмотрение каждого конкретного случая и отдельной личности – он вынужден прибегать к упрощенному пониманию Другого. «Национальности» же нет равных в упрощении и обобщении. Она в силах возложить (в глазах субъекта) бремя коллективного греха на группу лиц, из-за провинности конкретного индивида, подобно тому как Библия за ослушание Адама и Евы приписывает первородный грех их детям. Об этом же пишет И.Б. Гасанов: «Национальные стереотипы также несут важную функцию экономии мышления. ... Как инструмент мышления, национальные стереотипы весьма несовершенны с точки зрения научной истины и беспристрастной логики (однако совершенство мышления – редкое качество у людей, даже у ученых)»⁶.

Андерсон называет нации «воображаемыми сообществами»⁷. Однако, под «воображаемыми» обычно понимают нечто несуществующее, в то время как люди реальны (в степени, достаточной для рассмотрения их в рамках данной работы), и отношения,

в которые они вступают в рамках социальных транзакций, тоже реальны. Возможно, более продуктивно будет выделить условность «нации» и назвать ее игрой, понимая под этим словом процесс, подчиняющийся искусственно заданным правилам и не дающий результата, применимого вне самого себя. Называя нации игрой, мы не намерены преуменьшать значимость этого явления или иронизировать над участвующими в нем. Об этом же писал Геллнер: «Два человека считаются принадлежащими к одной нации в том и только в том случае, если они признают друг друга принадлежащими к этой нации. Другими словами, нации создает человек...»⁸. Термин «игра» вводится нами, чтобы подчеркнуть подвластность существования наций человеческому волеизъявлению. Строго говоря, исходя из такого понимания игрой может считаться любой социальный процесс, начиная от экономики и заканчивая модой. И причина нашего недовольства «нацией» кроется вовсе не в ее условности, а в ее непродуктивности. Под непродуктивностью мы понимаем процесс усугубления ограниченности человеческого сознания, который был взят современными государствами на вооружение в качестве официальной политики. Упомянутая нами выше неспособность субъекта охватить умственным взором человечество во всем его многообразии не отменяет факта существования этого многообразия. Однако правительствам куда удобней играть в игру по быстрому нахождению Чужого и убеждать своих граждан в том, что понятные и достойные люди (непонятным образом) оказались собранными исключительно в границах «государства А». Вспоминается Юнг: «автоматиче-

⁶ Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «Образ врага». – М.: Российская академия управления, 1994. – С. 18.

⁷ Андерсон Б. Указ. соч.

⁸ Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – С. 38.

ски подчеркивая в каждом из своих членов качества коллективного порядка, общество вознаграждает прежде всего посредственность и поощряет любого, кто согласен вести беспроблемное, безответственное, растительное существование»⁹. Не секрет, что в присутствии общего врага группа людей отбрасывает внутренние противоречия и начинает действовать сообща. Однако действия, предпринимаемые ею, будут направлены, разумеется, на ликвидацию явления, понятого ею как угроза. Поэтому напряжение сил, как физических так и духовных, вызванное таким объединением, разряжается либо в войне, либо в неудовольствии теми, кто без нужды запустил этот механизм, т. е. руководящими органами государства. Для предотвращения кризиса доверия правительство может поступить лишь одним способом — пойти на повторение всего сценария и эскалацию.

Еще раз нужно заметить, что человечество состоит из индивидов, порою весьма отличных друг от друга. И странным было бы утверждать, будто отличия эти они приобрели не благодаря тому окружению, в котором родились и воспитывались. Однако обобщения, столь любимые национально ориентированным сознанием, могут загнать его в ловушку. Можем ли мы с полным правом утверждать, что все французы скупы? Едва ли, ведь один-единственный щедрый человек, затесавшийся в массу граждан Франции, опровергает это утверждение. Можем ли мы сказать, что *многие* французы скупы? Вероятно — нет. Во всяком случае, до проведения специального исследования, но это и неважно, ведь осторожный, компромиссный переход от всеобъемлющего «все» к статистическому «многие» девальви-

рует само утверждение. Нет никакого прока в национальном образе, не охватывающем всю нацию. Параллельно задумаемся: кого мы назовем французом? В контексте миграционных потоков ни расово, ни религиозно «француз» не детерминирован. Можно сказать, что француз должен разделять французские ценности. Тут мы имеем дело с определением через определяемое, поскольку сугубо французскими могут быть названы только ценности, разделяемые исключительно французами.

Вышесказанное возвращает нас к Валлерстайну: единственная общность, которую обозначает «нация», — гражданство. Непривлекательность этого понимания скрыта в его нефункциональности: тот факт, что человек А является гражданином государства Б, не помогает нам в формировании мнения о нем и отношения к нему. Что, однако, не может считаться поводом присваивать контрагенту фиктивные качества и свойства для «экономики мышления». Нельзя также не признать исключительную притягательность «нации» в неакадемическом смысле. Даже у Маркса можно обнаружить выражение «национальная буржуазия»¹⁰, хотя непонятно — зачем это уточнение, ведь буржуазия, в терминах автора, класс общемировой, и существование ее определено производственными отношениями, а не национальной принадлежностью участников исторического процесса. Наконец, можно отметить, что «нация-гражданство», по сути, никуда не ушла от средневековой «вассальной» системы монархической Европы, за исключением отсутствия мистического элемента. Правда, отсутствие это весьма значимо с учетом того, что без эзотерических

⁹ Юнг К.-Г. О современных мифах. — М.: Практика, 1994. — С. 233.

¹⁰ Цит по: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. — С. 28.

элементов структура социума оказывается в руках человеческих, без каких бы то ни было свыше наложенных запретов на свое изменение.

«Нация» сегодня термин общеупотребительный и активно используемый самыми разными группами формирования мнений. Вследствие этого академическое значение «нации» (синонимичное понятию гражданства) было заменено на комплекс смыслов, обладающий размытыми границами и включающий категории этики, онтологии, лингвистики и проч. Поскольку нации не имеют под собой объективных оснований бытия, а являются результатом решения (не обязательно артикулированного для себя каждым гражданином, но тем не менее культивируемого исключительно людьми), вопрос существования «нации» также лежит в плоскости волеизъявления человека. Необходимость принятия решения об уходе от оперирования категорией

«нация» обусловлена деструктивным характером реакций и оценок, к которым таковое приводит.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М.: Кучково поле, Канон-Пресс-Ц, 2001. – 288 с.

Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М.: Логос, 2004. – 288 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв: в 3 т. / Ф. Бродель. – М.: Весь мир, 2011. – Т. 1. – 623 с.

Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «Образ врага» / И.Б. Гасанов. – М.: Российская академия управления, 1994. – 40 с.

Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ / Ш. Занд. – М.: Эксмо, 2010. – 544 с.

Юнг К.Г. О современных мифах / К.Г. Юнг. – М.: Практика, 1994. – 256 с.